

В. П. Авенариус

Среди врагов

**Дневник юноши, очевидца
войны 1812 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Среди врагов: Дневник юноши, очевидца войны 1812 года / В. П. Авенариус –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 196 с.

ISBN 978-5-458-09831-1

С 12 картинami из эпохи Отечественной войны и картою.
Санкт-Петербург
Книжный магазин П.В. Луковникова, 1912.

ISBN 978-5-458-09831-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

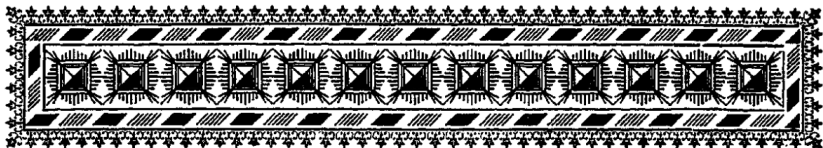
Старинныя книги и рукописи—страсть моя. Изъ заброшенной барской усадьбы знакомому мнѣ букинисту было доставлено нѣсколько ящиковъ старыхъ книгъ. Отобравъ все мало-мальски цѣнное, букинистъ свалилъ остальной хламъ въ уголь лавки для продажи на вѣсъ. Роясь въ этомъ хламѣ, я попалъ на объемистую тетрадь съ пожелтѣвшими, подмоченными листами, испи-санную притомъ карандашомъ. Почеркъ писавшаго былъ не совсѣмъ еще твердый, но четкій, съ затѣйливыми завитушками, орѳографія же—въ нѣкоторомъ разладѣ съ грамматикой. Я хотѣлъ ужъ бросить мою находку въ общую кучу, когда на глаза мнѣ попало одно имя, сразу приковавшее мое вниманіе,—имя Наполеона. Перелистывая страницу за страницей, я встрѣтилъ еще нѣсколько именъ французскихъ и русскихъ, получившихъ громкую извѣстность въ эпоху Отечественной войны, а вчитавшись, убѣдился, что имѣю въ рукахъ подлинный дневникъ 1812 года. Букинистъ, не придавая никакого значенія этой рукописи, отдалъ мнѣ ее въ придачу къ купленнымъ мною книгамъ. Выпустивъ изъ нея все лишнее, не идущее къ дѣлу, я раздѣлилъ ее, для удобства читателей, на главы съ соотвѣтствен-

ными заголовками и печатаю теперь этотъ любопытный дневникъ очевидца, а отчасти и участника великой войны въ первоначальномъ, безыскусственномъ видѣ.

В. А.

Сентябрь 1911.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бурсакъ, гувернеръ-французъ и семейство Толбухиныхъ.—Вѣсть о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ.—Гувернеръ скрывается.

Ну, вотъ, очинилъ карандашъ и, благословясь, начинаю.

Было то сегодня же, 11 юня. Хожу я такъ по двору, въ думы свои погруженный, а навстрѣчу мосье Мулинé:

— Здравствуйте, молодой человекъ! Чего носъ повѣсили?

— Тяжело,—говорю,—на душѣ,—носъ книзу и тянетъ.

— Шутите, мой другъ, шутите,—говорить,—а я отлично знаю, что васъ гнететъ. Тоже вѣдь разъ зеленымъ юнцомъ былъ.

— Ну, что? что?

— А то, что мадемоазель Барбъ вамъ опять голу намылила. Вѣдь такъ?

— Такъ или не такъ,—говорю,—вы-то, мосье Мулинé, мнѣ все равно не поможете!

— Напротивъ,—говорить,—у меня есть для васъ вѣрное средство: пишите дневникъ. Какъ выльется на бумагу, что на душѣ накипѣло,—сразу полегчаетъ. На себѣ испыталъ.

— Да въ домѣ у насъ,—говорю,—и чернилъ-то нѣтъ.

— А еще въ семинаріи всякимъ наукамъ обучались! Такъ карандашъ-то хоть найдется. Нѣтъ, безъ шутокъ,—говорить,—слушайтесь моего совѣта; этакій дневникъ—что горчичникъ: всякую боль оттянетъ.

Сказалъ и пошелъ своей дорогой.

А задала она мнѣ и вправду здоровую взбучку:

— Не могу,—говорить,—глядѣть на тебя, Андрюша, какъ ты цѣлый день такъ безъ дѣла болтаешься! Вѣдь ты годомъ всего меня моложе.

— Да,—говорю,—съ Рождества восемнадцатый пошелъ.

— Что жъ изъ тебя наконецъ выйдетъ!

— Ничего,—говорю,—не выйдетъ.—А самъ вздыхаю.—Изъ бурсы за малоуспѣшность удалень.

— Да малоуспѣшность-то отчего? Отъ лѣни?

— Лѣнь, Варвара Аристарховна, раньше насъ родилась! Старая еще пословица.

— И преглупая. Поискалъ бы ты себѣ какихъ-нибудь занятій.

— Да что же я умѣю? Въ шашки играть, голубей гонять, бумажный змѣй пускать...

— И не правда! Училъ же ты брата Петю письму, ариметикѣ. Но съ тѣхъ поръ, что взяли для него гувернера, ты отъ всего отбился, а Петю только глупостямъ учишь.

— Ахъ, Варвара Аристарховна!—говорю.—Братецъ вашъ—дворянинъ; впереди ему вездѣ дорога, А я что? Разночинецъ, простого діакона сынъ...

— Да умомъ вѣдь тоже не обиженъ? Давно ли у насъ Мулине; говоришь ты съ нимъ не часто; а вонъ какъ бойко ужъ болтаешь съ нимъ по французски.

— И акцентъ безподобный, бурсацкій.

— Не акцентъ, а акцѣнтъ. Способность къ языкамъ у тебя все-таки есть. Право же, Андрюша, взялся бы ты наконецъ за умъ.

Тутъ ее отозвали...

Однако рука у меня съ непривычки отекала. На сегодня довольно. А на душѣ и то вѣдь какъ будто немножко отлегло, просвѣтлѣло.

Юня 12. Видѣлъ ее нынче только издалека межъ деревьевъ. Въ садъ свой вышла свѣжимъ воздухомъ подышать. Своя у нея тоже забота немалая: папенькѣ ея, Аристарху Петровичу, опять много хуже. Съ утра еще за докторомъ посылали.

— Въ Толбуховку переѣзжать,—говорить,—ни-ни, и думать еще нечего.

Что жъ, этимъ помѣщикамъ, что у себя въ усадьбѣ, что въ городскомъ своемъ домѣ, не житье—малина. И здѣсь у нихъ при домѣ какой садъ-то: большущій, тѣнистый, съ дорожками, съ бесѣдками... А домъ подлинно барскій: съ колоннами, балконами; покои высокіе, просторные. Не то, что черезъ дворъ матушкина хибарка,—убогая избушка на курьихъ ножкахъ! Давно ужъ починки просить: крыша протекаетъ, отъ оконъ, какъ изъ трубы, дуетъ. Да гдѣ денегъ взять? А помереть матушка (не дай, Господи!), такъ и вдовья пенсія ея ухнетъ; остануться безъ гроша...

Правду говоритъ Варвара Аристарховна, что пора

мнѣ, пора тоже за умъ взятыся, свой хлѣбъ добывать. Да чѣмъ? Въ приказные писцы идти, что ли, и весь вѣкъ за гроши скрипѣть перомъ?

Эхъ-ма! И стыдно-то, и смертельно-скорбно. А роптать не моги. Самъ же виновать. Переноси благопокорно.

Юня 13, Вечоръ горе свое въ слезахъ растворилъ; а нынѣ вновь влетѣло, и отъ кого? Отъ своей же родительницы, а тамъ и отъ протодіакона соборнаго, о. Захарія.

Сидимъ мы съ матушкой за трапезой обѣденной, а она на меня, знай, поглядываетъ и „охъ!“ да „охъ!“.

— О чемъ вы,—говорю,—маменька, вздыхаете?

А она:

— Охъ, болѣзненный ты мой! Кабы премудрости семинарскія, какъ должно, произошелъ, быть бы тебѣ разъ добрымъ пастыремъ...

— Оставьте,—говорю.— Такое мнѣ, знать, предопредѣленіе вышло.

Отодвинулъ тарелку и всталъ изъ-за стола. А маменька:

— Куда жъ ты, миленькій, и чаю-то не пивши?

Ничего не сказалъ, иду къ двери. А навстрѣчу о. Захарій.

— Я,—говорить,—васъ, матушка Серафима Исидоровна, пришелъ провѣдать: какъ во вдовствѣ своемъ живете-можете?

Маменька благодарствуетъ за великую честь, что не забылъ ее, вдовицу, проситъ откушать чаю стаканчикъ, а сама уже платокъ къ глазамъ. Вопросаешь тутъ о. протодіаконъ, о чемъ, молъ, печалуется.

— Да вотъ,—говорить и пошла—сперва про собственную хворь свою, а тамъ и обо мнѣ, непутящемъ.

Озираетъ онъ меня искоса, словно медвѣженка неприрученаго, головой качаетъ.

— Да что у паренька вашего, матушка, клепки одной развѣ въ мозгу не хватаетъ, скудоумень?

А маменька:

— Ай, нѣтъ, онъ у меня мозговатый...

— Такъ мало, знать, въ бурсѣ лозами уму-разуму наставляли.

Тутъ и самъ я уже не выдержалъ.

— Каждую субботу намъ,—говорю,—секуціи общія чинили.

— Да не по винамъ,—говорить.—И насъ тоже во времена оны единожды въ недѣлю наказывали и все во благо. Во гробу одной ногой стою, а доднесъ тружусь, въ потѣ лица моего снѣдаю хлѣбъ свой.

Сталь было я оправдываться, а онъ, не дослушавъ:

— Все сіе,—говорить,—столь глупо, что уши вянуть.

Маменька опять въ слезы.

— Да нельзя ли его, о. протодіаконъ, хоть бы въ причетники соборные поставить, а на дурной конецъ въ понамари, что ли?

— Темна вода во облацѣхъ,—говорить:—еще не время, годами не вышелъ. Ну, да упуйте на Бога; авось, еще сподобить.

И пошелъ. Маменька залилась еще пуще...

Вседержитель и Сердцевѣдец! просвѣти меня: что мнѣ дѣлать, шалоброду?

Юня 15. Давно ужъ поговаривали, что императоръ французскій Наполеонъ Бонапартъ на насъ войной собирается, что и войска-то наши къ границѣ прусской стянуты, что самъ государь нашъ Александръ Павловичъ со своимъ штабомъ въ Вильнѣ пребываетъ. Проходили чрезъ Смоленскъ нашъ полки за полками, иные и на постой уже поставлены, а все какъ-то не вѣрилось. Громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится.

И вотъ, грянулъ! Отъ государя курьеръ къ губернатору прискакалъ. 12 числа, вишь, французы, войны даже не объявивши, рѣку Нѣманъ перешли. Что за вѣроломство! Изъ Вильны ко всѣмъ нашимъ командирамъ гонцы полетѣли съ приказомъ—самимъ въ бой до времени не вступать, только отбиваться. Князю же Багратиону, что командуетъ второю арміею, да славному казацкому атаману графу Платову повелѣно по мѣрѣ силъ и возможности задерживать непріятеля, дабы дать нашимъ отступать въ порядкѣ; дождемся поры, такъ и мы изъ норы. А самому Наполеону Бонапарту послано требованіе—не медля отозвать свои войска.

„Не положу оружія, доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ,“—сказано въ государевомъ указѣ.

Да подчинится ли еще такому требованію всемірный воитель, вознесшійся превыше всѣхъ человѣческихъ тварей?

— Ни въ коемъ разѣ не подчинится! — увѣряетъ мосье Мулинѣ.

Но самъ онъ весьма озабоченъ, за своихъ будто оконфуженъ. Вѣдь какъ онъ обожаетъ своего „великаго“ императора!

Юля 1. Двѣ недѣли дневника не раскрывалъ. Баталіи настоящей все еще вѣдь не было. Войска, что ни день, чрезъ Смоленскъ нашъ проходятъ; но куда? никому не вѣдомо.

Обыватели, кто потрусливѣй, за городъ уже выбираютъ: береженаго и Богъ бережетъ. Толбухины же, хоть бы и хотѣли, не могутъ тронуться: Аристархъ Петровичъ все еще такъ слабъ, что везти его въ Толбуховку за тридцать верстъ по проселочнымъ дорогамъ и разговору быть не можетъ: по дорогѣ, того и гляди, Богу душу отдастъ.

А съ мосье Мулинѣ что-то неладное творится: выхожу за ворота, завернулъ за уголъ, а онъ, гляжу, за угломъ съ евреемъ торгуется,

— Далибугъ, никакъ не можно, мусье,—говорить еврей:—сто карбованцевъ, ни гроша меньше.

Узрѣли меня тутъ оба, къ забору прижались.

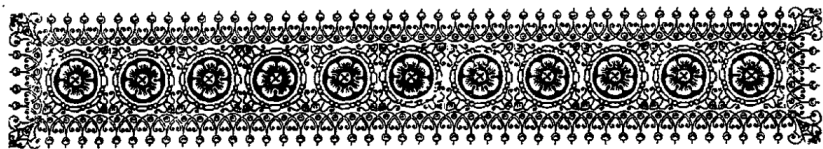
— Сто рублей!—говорю.— За что онъ съ васъ, мосье Мулинѣ, столько деретъ?

— Идите, Андрѣ, идите!—говорить.— Не ваше дѣло.

Ушелъ я; само собою, какое мнѣ дѣло? Но почему онъ меня такъ испугался? Ужъ не замыслилъ ли тихомолкомъ къ своимъ сбѣжать? Не даромъ эта пѣявка къ нему присосалась; послѣднее, можетъ, сбереженіе у него высосеть...

Юля 3. Такъ вѣдь и есть: сбѣжалъ! Толбухины весьма объ немъ жалѣютъ: и гувернеръ-то, и учитель прекрасный, да и человекъ милый, душевный. Какъ бы ему только на казачью пику не напороться!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прибытіе въ Смоленскъ императора Александра I.—
Генераль Балашевъ у Наполеона.—Барклай-де-Толли,
князь Багратіонъ и поручикъ Шмелевъ.—„Стонетъ
сизый голубочекъ“.—Обручились!—Отъѣздъ Толбу-
хиныхъ.

юля 9. Видѣлъ нынѣ самого государя. Съ
ранняго утра еще мы съ Петей Толбухинымъ
забрались къ казенному „инспекторскому“
дому, нарочито приготовленному для пріема
царскаго. Народу, разумѣется, тьма тьму-
щая. Ровно въ 11 слышимъ издали:

— Ура! ура!

И вотъ, показалась государева коляска. Тутъ уже
вся толпа кругомъ подхватила, какъ одинъ человѣкъ,
и мы съ Петей тоже:

— Ура-а-а!

По портретамъ я давно его уже зналъ; но самого
воочию лицезрѣть — совсѣмъ иное. Когда онъ намъ
всѣмъ милостиво этакъ головой закивалъ, отъ его
улыбки ласковой и грустной сердце въ груди у меня
такъ и запрыгало, да и заныло.